

Н. Ю. Данилова
**НОВЫЕ-СТАРЫЕ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ
СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ**

Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: Сб. науч. ст. / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. — Саратов: Научная книга: Центр социальной политики и гендерных исследований, 2005. — 460 с.

Уже более 15 лет кафедра социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета является лабораторией инновационных методов изучения социальной политики и социальной работы в России. В последние годы под маркой «саратовской школы» было реализованы несколько крупных издательских проектов. И вот очередной проект. Книга «Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.» включает материалы международного проекта «История социальной работы в Восточной Европе», реализованного при поддержке Фонда Фольксваген в течение 2003-2005 гг., а также статьи участников международного семинара по истории социальной работы в России (Саратов, 18–19 марта 2005 г.). Книга содержит четыре раздела: от методологии к анализу социальной работы в Советской России. Подобная структура дает возможность предполагать относительную методологическую целостность сборника, который мог бы служить одновременно и своеобразным учебником по инновационным методам исторического анализа, и хрестоматией по истории социальной работы в России. В рецензии мне хотелось бы обсудить, насколько удалось соблюсти методологическую целостность в книге, разобраться в том, какие методологические новинки и исторические открытия были предложены читателю.

Первый раздел «Социальная и гендерная история: новые подходы к исследованию социальной работы» посвящен методологии исторического анализа социальной работы. Содержание *новой* методологии представлено в статье редакторов сборника и классиков «саратовской школы» *Е.Р. Ярской-Смирновой и П.В. Романова* «История социальной работы: методологические аспекты». Прежде всего, авторы отмечают сложность концептуализации российского опыта в рамках западноевропейских моделей социальной работы. С точки зрения авторов статьи, российский опыт отличает длительная рассогласованность между процессами профессионализации социаль-

ной работы и институциональным развитием социального обеспечения, подчиненность социальной политики государственной идеологии, и, как следствие, абсолютное доминирование метанарративов в презентации истории социальной работы в России. Поэтому одна из целей проекта может быть обозначена как деконструкция метанарратива и презентация *новой истории*, а точнее, *историй* социальной работы в России. Для достижения этой цели исследователи предлагают задействовать багаж нескольких дисциплин (феноменологии, социальной антропологии, этнографии, качественной социологии), использовать потенциал социально-критического, гендерно-чувствительного и мультикультурного подходов. Эти методы должны позволить реконструировать локальную историю социальных служб, проанализировать жизненные сценарии сотрудников социальных учреждений и получателей социальной помощи, разобраться в исторических особенностях развития социальной работы в России. В статье *Натальи Пушкаревой* «Гендерная история и история социальной работы как направления “новой” социальной истории» отмечается близость между гендерной историей и *новой* историей социальной работы, подчеркивается социальная значимость подхода, позволяющего дать голос «незаметным» и «молчащим».

После такого основательного вступления читатель подготовлен к восприятию конкретных примеров применения *новой* методологии. Однако первая же статья **второго раздела** сборника — «Преимственность и пересмотр режимов социального обеспечения» — приводит читателя в некоторое замешательство. Статья *Михаила Фирсова* «История социальной работы в России: тенденции становления», на мой взгляд, представляет собой типичный метанарратив, заслуживший критику в первом разделе книги. М. Фирсов подробно описывает историю формирования *отечественной* модели социальной защиты с древнейших времен и до наших дней. После длинного экскурса в историю автор констатирует формирование смешанной модели социальной работы в современной России и переходит к обсуждению заимствований из *западных* моделей социальной политики (английской, американской, германской и др.). Обсуждение сводится к критике принципов современной социальной политики, отмечается нефункциональность категории «трудная жизненная ситуация», подчеркивается политическая ангажированность принципа «адресности», научная, правовая и финансовая необоснованность новых социозащитных учреждений. В заключение автор формулирует приоритетную цель социальной работы в России, которая, по его мнению, должна состоять в «сохранении культурной самобытности общности в различных социокультурных регионах».

Итак, мы увидели не *новую*, а *старую* историю социальной работы. Этот вывод заставляет пересмотреть первоначальную идею о методологическом единстве сборника. Возможно, авторы сборника хотели рассказать не одну *новую* историю социальной работы, а показать сосуществование разных методологических школ? Пока оставим этот вопрос без ответа. Статья М. Фирсова позволила мне выдвинуть еще одну гипотезу о содержании идеологии социальной работы. Дело в том, что кроме методологических изысканий, одной из основных задач проекта являлась концептуализация защитно-

контролирующего противоречия социальной работы. Однако редакторы книги, обозначив противоречивый смысл социальной работы, не достаточно ясно проговорили содержательные критерии различения идеологий. В результате читатель оказался еще перед одной проблемой: определить, в чем разница между контролирующим и защитным значением идеологий, разобраться в том, когда социальная работа в российской истории служила инструментом защиты, а в каких случаях только дисциплинировала и карала.

Статья Михаила Фирсова и тут предоставила почву для гипотез. Одним из инструментов различения идеологий могла бы быть институциональная организация социальной работы, а именно, специфика акторов, задействованных в решении социальных проблем. Преобладание или абсолютное доминирование государственных структур, отсутствие альтернатив и возможностей участия гражданских, общественных структур в социальной сфере может служить свидетельством «контролирующей», карательной направленности социальной работы и социальной политики. И, напротив, наличие многообразных форм социальной поддержки, участие общественных структур — рассматриваться как критерий «защитной» составляющей идеологии социальной работы. Подобным же образом может быть переоценена методология исторического изучения социальной работы, когда метанарратив в истории социальной работы рассматривается как механизм воспроизводства контролирующего значения идеологии, а, напротив, презентация разнообразных форм социальной помощи, критический анализ государственной политики свидетельствуют о раскрытии ее «защитного» потенциала. Данное представление о «контроле» и «защите» социальной работы отчасти расходится с содержанием дискуссии по данному вопросу, и, тем не менее, в данном сборнике оно мне кажется уместным.

Все же позволю себе немного теоретических изысканий для подтверждения выдвинутой гипотезы. Воспользуюсь для начала типологией социального контроля английского исследователя Харли Дина (Dean 1991). Дин выделил 3 основных уровня социального контроля в сфере социального обеспечения: 1) уровень «политического соглашения», при котором социальный порядок поддерживается за счет серии уступок, сделанных государством или правящим классом по отношению к остальному обществу; 2) уровень физического принуждения, который используется для коррекции девиантного поведения; 3) уровень индивидуального актора, при котором социальные институты (подобные семье), социальное давление и социальные нормы воздействуют на поведение индивида (Dean 1991: 11). Параметры социальной политики определяются в рамках политического соглашения между государством, правящими классами, представителями капитала и интересами общества. Поэтому тип социального контроля, который реализуется в системе социального обеспечения, во многом зависит от типа государства благосостояния (welfare state) (либеральный, консервативный, социал-демократический и т. д.). Например, в либеральном режиме доминируют формы оказания индивидуальной поддержки граждан, вмешательство государства в социальную сферу ограничено. В консервативном, напротив, государствен-

ные структуры определяют параметры социальной поддержки (см. подробнее: Esping-Andersen 1990).

Проблема концептуализации российской социальной работы состоит в том, что советское государство построило уникальную модель социальной политики, в котором рыночные механизмы производства социального неравенства были полностью заменены идеологическими (Rimlinger 1971: 301). Доминирующая государственная идеология полностью монополизировала сферу социального обеспечения. В западной литературе советский тип социального обеспечения получил обозначение «бюрократического государства коллективистской системы социального обеспечения» (bureaucratic state collectivist system of welfare) (Deacon 1992). Советская модель социальной политики характеризовалась отсутствием альтернативных механизмов решения социальных проблем граждан. Получатели социальной помощи в СССР рассматривались как объекты социальной поддержки, но ни в коем случае не как активные участники социальной политики (Deacon 1992: 7). Многие статьи рецензируемого сборника показывают на конкретных примерах становление бюрократической государственной модели социальной поддержки в России, в которой последовательно подавлялась активность граждан и устанавливалась монополия государства на оказание социальных услуг. Трансформация 1990-х гг. обозначила переход к новым формам организации социальной политики, способствовала созданию рынка социальных услуг. Отсюда, стала возрастать роль общественных институций, которые могли стать каналом выражения активности граждан и новым механизмом социальной защиты.

Таким образом, этот небольшой экскурс в теорию социального контроля и дискуссию о советской социальной политике позволяет нам отчасти подтвердить выдвинутую гипотезу о «контролирующем» и «защитном» потенциале социальной работы. Дискуссия о типе социального контроля, о его дисциплинирующем потенциале и реабилитирующей направленности достаточно обширна, а споры о предпочтительности тех или иных мер социальной поддержки почти бесконечны. В данном случае оставим вопрос о том, что эффективнее, без ответа. Отметим только, что в большинстве стран современных демократий применяются разнообразные формы социальной поддержки и зачастую отдается предпочтение мероприятиям, активизирующим ресурсы сообщества (НГО, инициативных групп) в решении социальных проблем граждан.

Проверим наши догадки на остальных статьях сборника. Статья *Александра Гатвинского* и *Светланы Нечаевой* «Социальная служба в Саратове: история и современность» представляет собой нечто среднее между собственно историческим исследованием и официальным отчетом о работе социальных служб в регионе. Но даже в такой полужоформализованной форме авторы продвигают новую, «защитную» концепцию прошлого и настоящего социальных служб. Авторы отмечают, что *новые* задачи органов социальной защиты должны состоять в демонополизации отрасли, организации рынка социальных услуг, широком вовлечении общественных организаций и церкви в реализацию социальных программ. С этой статьи начинается рассказы-

ваться *региональная (локальная)* история социальной работы. Гораздо менее примером *нового* исторического подхода может служить статья *Татьяны Катциной* «От общественного призрения к социальному обеспечению». Автор рассматривает историю как источник «разумной адаптации к современным реалиям отечественного опыта благотворительности с учетом общероссийских закономерностей и специфики региона» (Енисейской губернии в данном случае). Вероятно, поэтому Т. Катцина отдает предпочтение традиционным источникам и методам исторического исследования (архивным документам, официальным отчетам). В заключение автор делает вывод о том, что период «военного коммунизма» характеризуется формированием и, можно добавить, закреплением монополии государства на организацию социальной помощи. К сожалению, эта идея не получила развития, что оставило ощущение незаконченности такой важной мысли.

В двух заключительных статьях второго раздела начинается дискуссия о развитии социальной помощи в отношении отдельных категорий граждан. *Ольга Шилова* в статье «Развитие государственной сети стационарных учреждений по обслуживанию инвалидов и пожилых граждан в Самарском крае» описывает создание системы закрытых, государственных учреждений для увечных и пожилых граждан с дореволюционных времен и до 40-х годов XX в. К сожалению, автор также отдает предпочтение традиционным методам исторического анализа, рассказывая историю сводками из архивных документов, официальных отчетов, нормативных актов и статистических данных о количестве обслуженных и нуждающихся. В конце статьи О. Шилова уже открыто присоединяется к «контролирующему» лагерю в оценке роли социальной работы, заявив о необходимости доминирования государства в социальной политике, «такой затратной сфере, никогда не приносящей материальной прибыли». Утверждение о безальтернативности государственной монополии выглядит спорным, особенно в контексте статьи *Татьяны Ченцовой и Ирины Кареловой* «Практика решения проблем беспризорности и безнадзорности детей в России (конец XIX — 20–30-е годы XX века)». Принципиальным отличием этой статьи от предыдущих служит включение в исторический анализ роли общественных структур. Кроме того, заслуживает внимание сама постановка исследовательского вопроса. Авторы статьи хотели бы не столько *описать* историю, сколько *понять, объяснить* механизмы воспроизводства беспризорности и безнадзорности в Советской России. В статье Т. Ченцова и И. Карелова показывают, каким образом происходила монополизация государством сферы социальной помощи детям, как значительные достижения региональных властей (например, создание общественных приемных в Москве), деятельность общественных организаций (в частности, Лиги помощи детям 1918–1921 г.) игнорировались и постепенно вытеснялись государственными структурами. В заключение авторы приходят к выводу, что «рост безнадзорных и беспризорных детей стал прямым следствием государственной политики — коллективизации и голода, выселения кулачества и массовых репрессий», и можно добавить, почти полного уничтожения какой-либо общественной инициативы.

Третий раздел «Идеология контроля и заботы досоветского периода» включает несколько статей достаточно разного толка, но надеюсь, к этому

моменту читатель уже будет достаточно искушен в вопросах *новых* и *старых* подходов в истории социальной работы. В статье *Дмитрия Михеля* «В недрах социальной гигиены: социальная работа в России на рубеже XIX и XX веков» раскрывается историческая связь социальной работы и социальной гигиены. Междисциплинарность и включенность социальной работы в смежные области: здравоохранение, образование — является типичной характеристикой развития социальной работы в России. Автор статьи показывает, как сфера социальной медицины постепенно политизируется, а политика помощи «пьяницам, проституткам и их близким» сменяется политикой наказания и уголовного преследования. Статья *Д. Михеля* создает мостик к статье *Марианны Муравьевой* «Государственное призрение проституции в предреволюционном Петербурге». Статья посвящена анализу политики помощи/контроля в решении социальной проблемы проституции. Хотя авторская цель статьи состоит в определении типа и оценке эффективности социальной помощи, предоставляемой рядом петербургских учреждений, однако, на мой взгляд, в статье решается гораздо более широкий круг исследовательских задач. Прежде всего, в этой статье в полной мере раскрываются противоречия карательной и защитной политик социальной работы в России, а также воплощаются принципы антропологического и критически ориентированного анализа социальной работы.

Статья начинается с подробного анализа функционирования Калининской больницы, первого учреждения в России, которое должно было заниматься лечением сифилиса и оказанием медицинской помощи проституткам. Подробная историческая реконструкция, а также анализ практик оказания медицинской помощи в больнице позволяет автору наглядно продемонстрировать замкнутый круг «карательной», «изоляционной» политики борьбы государства с проституцией. В то же время, в сферу авторского интереса попадают частные инициативы, которые в различные годы осуществлялись в данном учреждении (например, деятельность *Марии Додуковой-Косаковой* и *Надежды Васильевны Стасовой*). Начиная с истории Калининской больницы, тема сосуществования, иногда эффективного взаимодействия, а иногда острого конфликта государственных и общественных структур становится одной из основных в исследовании *М. Муравьевой*. Автору статьи удастся показать, каким образом частные инициативы пытались изменить ситуацию в Калининской больнице, предоставить «реальную» помощь женщинам, «быть теми, кто выслушает и будет искренно сочувствовать несчастью». Вместе с тем, автору удастся быть достаточно критичной в оценке общественных инициатив. Автор подробно анализирует причины низкой эффективности общественной помощи, отмечает их ограниченность морально-нравственными беседами, религиозным просвещением и чтением книг.

Тенденции и противоречия оказания социальной помощи женщинам, обозначенные на примере Калининской больницы, воспроизводятся в работе Санкт-Петербургского дома милосердия. Это учреждение возникло из общественной инициативы и, возможно, поэтому имело гораздо больший

потенциал к развитию альтернативных форм социальной помощи женщинам. Однако, ряд факторов, таких как: отсутствие позитивной психологической помощи, разница в социальном положении исправляемых и персонала, а главное, отсутствие перспективы и реальной помощи (профессии, жилья) сводили на нет большинство позитивных достижений Дома. М. Муравьева констатирует, что вновь главными средствами «перевоспитания» стали нравственные беседы, тяжелый неоплачиваемый труд, плохое питание и бедное существование, т. е. все то, от чего женщины уходили в проституцию. Тем не менее, выход, по мнению автора статьи, мог быть найден, если бы «частная инициатива представительниц женского движения была поддержана», а «проституция понималась не как девиация и социальная патология, требующая морально-нравственного корректирования». В любом случае, важно отметить, что именно общественные инициативы обладали наибольшим потенциалом не карать, а, начав с морально-нравственных бесед перейти к оказанию реальной помощи в поиске жилья, работы, психологической и социальной поддержке женщин.

Тема политики регулирования женского активизма продолжается в статье *Натальи Пушкаревой и Павла Щербинина* «Из истории призрения семей нижних чинов запаса в годы войн начала XX века». Цель статьи — восполнить пробел в истории социальной работы, а именно, остановиться на организации системы помощи ближайшим родственникам призванных на военную службу. Авторы статьи рассматривают механизм предоставления помощи данной категории граждан, на основе архивных данных и публикаций в местной прессе отмечают трудности, с которыми сталкивались солдаты при обращении за помощью. В заключение авторы приходят к выводу о том, что система социальной поддержки стимулировала рост политического самосознания женщин, «обучала россиянок основным формам социального действия (от прошения до бунтов)». Несомненно, авторы обратились к актуальной теме и отчасти заполнили новые страницы истории социальной работы, но на этом и остановились. Новая методология пока оказалась ограничена объектом исследования.

Заключительные статьи третьего раздела служат примером в полной мере метанарративного подхода в истории социальной работы. *Марк Ромм* в статье «Понятийный аппарат отечественного призрения: генезис, специфика, традиция» проводит анализ понятийно-категориального аппарата общественного призрения. Сразу же скажу, что, на мой взгляд, в статье не удалось реализовать эту цель в полной мере. Анализ уступил место традиционному описанию. В результате описание позволяет констатировать существование множественности терминов, понятий в сфере российского общественного призрения и отметить «недостаточную разработанность важнейших теоретических проблем в сфере отечественной социальной работы». *Татьяна Ромм* в статье «Социальное воспитание в сфере призрения детей (на рубеже XIX–XX веков)» также продолжает традиции конвенционального исторического исследования, описывая официальную историю приютов в России.

Четвертый раздел книги под заголовком «Социальная защита и социальный контроль в Советской России» начинается со статей, посвященных

периоду 1920–30-х гг., наиболее интересному и, вероятно, переломному для российской социальной работы. Прежде чем перейти к анализу статей, заметим, что и в этом разделе читателю не следует расслабляться. Вооружившись новыми знаниями, читателю по-прежнему придется самостоятельно (или с помощью моих субъективных суждений) разбираться в методологических сложностях исторического анализа социальной работы и вновь решать основное противоречие идеологии социальной работы. Первые две статьи раздела дадут возможность поупражняться в этой задаче.

Раздел открывает статья *Натальи Решетовой* «Зарубежная помощь России во время первого советского голода: краткие итоги и перспективы изучения». Статья представляет собой традиционный обзор отечественной и зарубежной литературы по теме. Обоснованием и целью статьи служит введение новых источников в данную тему. В результате создается впечатление, что функцией статьи Н. Решетовой является подготовка читателя к аналитической и во всех отношениях новаторской статье *Рашида Латыпова* «Американская помощь Советской России в период «великого голода» 1921–1923 годов». В центре внимания статьи основные направления деятельности Американской Администрации Помощи (American Relief Administration, русское написание АРА). Анализ АРА сопровождается подробным анализом деятельности советских государственных структур и общественных организаций в борьбе с голодом. Отмечу, что статья Р. Латыпова чрезвычайно актуальна для современной российской социальной политики, особенно в связи с изменением законодательства в отношении международных благотворительных организаций*. На мой взгляд, в статье достаточно ярко продемонстрированы возможные противоречия и «жизненный путь» зарубежной гуманитарной помощи в России.

Статья начинается с реконструкции ситуации начала голода осенью 1920 г. Автор наглядно демонстрирует, как пассивность правительства, длительное отрицание кризиса в результате оборачивается многочисленными жертвами среди населения. Вместе с тем, растерянность властей способствовала активизации усилий общественности: была разрешена деятельность Всероссийского комитета помощи голодающим под руководством В.Г. Короленко, начата кампания по сбору средств за рубежом. Однако, по мнению автора статьи, коренным образом изменил ситуацию приход американской помощи в Советскую Россию. Р. Латыпов начинает анализ с сопоставления позиций американской и советской стороны, обозначает конфликтные моменты и точки, которые сделали возможным сотрудничество.

Следует отметить, что данная статья открывает новую тему для российского читателя — тему организации первых массовых гуманитарных акций в мире и разработки соответствующих социальных технологий для решения актуальных социальных проблем (голода, эпидемий, стихийных бедствий).

* Имеется в виду принятие Федерального Закона РФ от 10 января 2006 г. «О внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ», а именно в ФЗ от 19 мая 1995 г. №82-ФЗ «Об общественных объединениях». Закон устанавливает ограничения на деятельность международных благотворительных организаций в России.

Думаю, читателя должны заинтересовать подробности организации продовольственной и медицинской помощи АРА, механизм выбора тех или иных стратегий помощи, их дифференцирование в зависимости от территориальных особенностей и т. д. В этом смысле американский опыт по борьбе с голодом представляет несомненный интерес, поскольку американцам удалось под руководством Герберта Гувера создать «потрясающую “машину”, которая не только тратила, но и зарабатывала, спасала, помогала, поддерживала сама себя».

Описывая условия предоставления помощи, автор подробно рассматривает причины конфликта между представителями АРА и советскими властями. Так, в статье всесторонне анализируется конфликтная ситуация, развернувшаяся вокруг доставки продовольственных посылок (октябрь 1921 — сентябрь 1922 гг.). В этой ситуации для меня наиболее интересным был конфликт логик по поводу «спекуляции» американскими продуктами (идеологической «советской» и рыночной гуманитарной). Советские власти проводили карательные операции по фактам продажи продуктов, а американцы, напротив, были достаточно пассивны в этом направлении, поскольку считали, что продажа продуктов способствовала общему снижению цен и облегчению положения всех граждан.

В результате, политические разногласия противоречия постепенно обостряются, и деятельность АРА начинает свертываться. Укрепление политического положения большевистского правительства, преодоление критической фазы голода, возрастание конфликтов с властями ускорили принятие решения о прекращении деятельности АРА в России. В любом случае, заключает автор, были спасены миллионы жизней, а обе страны получили ценный опыт конструктивного международного сотрудничества.

Продолжают раздел статьи, посвященные политике женской занятости, «социального материнства», социального воспитания детей-сирот, инвалидов. Обсуждение частных политик начинается со статьи *Юлии Морозовой* «Государственная политика в области женской занятости в 1920–1930-е годы (на примере немецкой автономии)». Данная статья заполняет еще одну страничку длительное время «скрытой», женской истории. Богатый эмпирический материал позволяет показать, каким образом формируется специфическая позиция женщин на рынке труда (занятость в сфере низкоквалифицированного труда, включенность в низкооплачиваемую непродовольственную сферу). Политике «социального материнства», построенной на вовлечении государства и общества в решение проблем семьи, посвящена статья *Юлии Градсковой* «Дискурс “социального материнства” и повседневные практики социальной работы в 1930–1950-е годы». Автор ставит перед собой сложную задачу: соотнести дискурс «социального материнства» с конкретными практиками социальной работы в отношении матерей, детей, семей и молодежи в 1930–1950 гг. Эту задачу почти удается решить и обозначить сферы «непротиворечивого сочетания» практик и дискурса социальной работы.

Подобную же задачу — сопоставления дискурсивных категорий и практик — ставит перед собой *Марина Головизнина* в статье «Генеалогия соци-

ального контроля противоправного поведения несовершеннолетних в пени-тенциарном учреждении в России». Для начала отметим, что статья М. Головизиной — одна из немногих в сборнике, в которой сделана попытка концептуализировать категорию социального контроля, причем в узко специальном смысле в сфере политики контроля противоправного поведения несовершеннолетних. Сразу же замечу, что, на мой взгляд, «социальный контроль» в статье оказался скорее «пустым» термином и мог бы быть с успехом заменен каким-нибудь другим. Значение термина «социальный контроль» контекстуально, зависит от дискурсивного определения проблемы (например, категории «трудновоспитуемости») и находит выражение в практиках функционирования конкретных институтов (в данном случае, Центрального карантинного распределительного детского пункта системы Наркомпрос (ЦКРДП), Детского приемника-распределителя НКВД-МВД, Центра временной изоляции несовершеннолетних правонарушителей МВД РФ). Такой подход привел к некоторому рассогласованию между теоретической претензией автора статьи и фактическим содержанием текста. Однако, в любом случае, следует подчеркнуть, что уже сама постановка исследовательского вопроса является достаточно инновационной, а богатый эмпирический материал и реконструкция практик и концепций «воспитания», несомненно, будет интересна специалистам в данной сфере.

При написании рецензии у меня создавалось впечатление, что композиция сборника выстроена в соответствии с законами детективного жанра. То есть после работ, выполненных в рамках *нового* исторического подхода с современным методологическим инструментарием, следует передышка в виде обзора литературы по теме, отчета о проделанной работе или традиционного исторического исследования. Так, в статье *Евгении Червоненко* «Система защиты детей и элементы патронирования в Советской России» проводится анализ иностранных источников о развитии системы защиты детей в СССР. Статья *Юрия Садовникова* «Государственные и общественные структуры и комиссия по делам несовершеннолетних Чувашии в 1960-е годы» близка по стилистике статье *А. Гатвинского*, *С. Нечаевой* из первого раздела. В статье подробно рассматривается деятельность комиссий по делам несовершеннолетних, однако, к сожалению, автор целиком и полностью следует традиционному историческому анализу, и, добавим, метанарративному и «контролирующему» подходу к политике в этой сфере. Критическая оценка по отношению к деятельности комиссий полностью отсутствует в тексте.

В статье *Ольги Шек* «Социальное исключение инвалидов в СССР» читателю вновь предлагается концептуальный подход к анализу политики инвалидности. В данном случае категория социального контроля заменяется термином «социальное исключение», при этом автор, так же, как и ранее М. Головизина, содержательное насыщение термина выстраивает в зависимости от социально-исторического и дискурсивного контекста формирования советской политики в отношении данной категории граждан. Но, в данном случае основные характеристики политик инвалидности заданы из литературы и соотносятся с индивидуальной и социальной моделями инвалидности. В результате автор делает вывод, что в СССР «политика в отношении инвалидов выс-

траивалась на основе “старой парадигмы”, то есть инвалидность понималась как личная трагедия человека, возникшая в результате ненормальности и функциональной ограниченности», что способствовало распространению практик социальной изоляции и дискриминации инвалидов.

Заключительные статьи сборника вновь посвящены политике в отношении детей в России 1920-х гг. *Татьяна Дорохова* в статье «Становление системы социального воспитания в России в 20-е годы XX века» проводит анализ политики борьбы с беспризорностью и безнадзорностью. Надо отметить, что автору удается сочетать изучение деятельности государства и общества в данной сфере и в заключение прийти к выводу о наличии «тенденции к вытеснению общественной формы поддержки государственной» в сфере советского социального воспитания. Подчеркнем, что эта идея уже неоднократно была озвучена в сборнике.

Наконец, завершает сборник статья *Елены Ярской-Смирновой, Павла Романова* «Идеологии и практики социального воспитания в Советской России: повседневная жизнь в детском доме “Красный городок” в Саратове, 1920–1940-е годы». Прежде всего, об этой статье следует сказать, что она как раз и является лучшим примером воплощения методологии «саратовской школы». Поэтому обязательно советую дочитать до этой статьи или даже сразу после методологического вступления перейти к ней для обострения методологической зоркости при чтении остальных текстов. В этой статье продемонстрированы на конкретном примере основные принципы новой методологии исторического исследования в области социальной работы, соблюден баланс между анализом государственной политики в отношении детей-сирот и локальной историей детского дома «Красный городок». Основное противоречие контроля/защиты социальной работы в статье обсуждается через идеологические альтернативы (дисциплинирования/воспитания) строительства нового советского человека в лабораторных условиях. Примечательна структура статьи, когда за теорией следует описание основных параметров государственной политики в отношении детей-сирот, а затем авторы переходят к анализу практик реализации данной политики на местах. В статье проводится подробный анализ «порядка жизни в Красном городке», как его институциональной составляющей, так и его дискурсивной оценки в нарративах информантов. В результате в статье убедительно продемонстрировано на конкретном примере, как происходит трансформация идеальной модели советской социально-педагогического процесса, направленного на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей, под влиянием локального контекста и множества внешних факторов.

В заключение мне хотелось пожелать читателям полезного чтения, новых идей и критического настроения при чтении книги (к моим комментариям в том числе). *Новая* история может быть «новой» только при условии, если мы будем критически относиться к *старой*, пытаться осмысливать крупномасштабные перемены и быть при этом внимательными к локальной истории и жизни отдельного человека. Позволю себе еще одну крамольную мысль для научного текста. Чтобы мы ни писали и какие бы вопросы ни обсуждали, суховатый академический стиль не поможет нам спрятаться от наших

собственных приоритетов и взглядов. В данном случае, мои комментарии во многом определялись субъективными симпатиями к «защитной» компоненте социальной работы. Выяснилось, что я абсолютно убеждена в преимуществе разнообразия видов социальной поддержки и пользе участия общественных структур в решении социальных проблем. Возможно, такой научный субъективизм не так уж неуместен, ведь первоначальной целью локальной истории, гендерных, феминистских исследований и было включение позиции исследователя/исследовательницы, точки зрения групп «скрытых» и дискриминируемых в социальный анализ. Поэтому искренне желаю читателям научной храбрости и права на собственную позицию. Думаю, что на этом пути рецензируемая книга будет очень полезна.

Литература

- Dean H. Social Security and Social Control. London, N.Y: Routledge, 1991.
Deacon B. The New Eastern Europe: Social Policy Past, Present and Future, 1992.
Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity, 1990.
Rimlinger G. Welfare Policy and Industrialization in Europe, America and Russia. N.Y: Wiley, 1971.